

Роман Трифонов
Харьков

ПРАГМАТИЧЕСКИ ОРИЕНТИРОВАННЫЕ
МЕТАЯЗЫКОВЫЕ КОММЕНТАРИИ К СЛОВУ ПРАВДА

Слово *правда*, являющееся именем соответствующего концепта, в современных речевых практиках становится объектом достаточно активной метаязыковой рефлексии. Это вполне естественно, так как «частотность (повторяемость) металексических комментариев к одним и тем же словам обусловлена [...] важностью соответствующих этим единицам фрагментов картины мира [...]»¹. Именно концептуальная значимость слова вызывает к жизни комментарии говорящих, и такого рода высказывания могут иметь различный характер. Во множестве случаев речь отражает рефлексии над концептуальным содержанием слова *правда*, его этимологией (где встречаются как научные объяснения, так и мифы из сферы наивной лингвистики), соотношением данного понятия с понятием «истина», над референцией слова и т.д. В идеальном случае такие концептуальные высказывания (концептуальные рефлексивы, по терминологии Ирины Вепревой²) нейтральны, имеют философскую, филологическую направленность и/или выполняют коммуникативную функцию — призваны очертить интерпретационное поле языковых единиц для правильного понимания. Например:

Дальше я буду называть истиной результат теоретического, научного или философского, исследования, осуществляемого по правилам, определенным в рамках данного сообщества как рациональные. Я буду называть правдой результат практического, экзистенциального поиска жизненных оснований,

¹ М. Шумарина: *Психолингвистическое значение по данным словаря «Литературный портрет слова»*. W: *Challenges of Information Society and Applied Psycholinguistics*. Ред. N. Ufimtseva, A. Stepanova, D. Makhovikov, L. Zhukova. Moscow: RUDN — Institute of Linguistics RAN — MIL 2013, s. 464–465.

² И. Вепрева: *Языковая рефлексия в постсоветскую эпоху*. Москва: ОЛМА-ПРЕСС 2005, s. 195.

руководствующегося прежде всего целостным интуитивным переживанием этих основ³.

Слова *правда* и *истина* синонимичны. Как всякие синонимы, они отличаются оттенками смысла и употреблением в речи. Понятие «истина» более логическое, оно часто используется в точных науках (ср.: «Если истинно утверждение, что ____, то ____»). Понятие *правда*, скорее, информационное. *Вся правда о...* (имярек) — кричат нам заголовки бульварных газет. Вместе с тем можно сказать: «Ни у кого нет права на абсолютную истину». Сказать: «Нет права на правду» — нельзя. Правда — это информация, а логическую истину каждый из нее выводит сам⁴.

Как видим, в приведенных отрывках целенаправленно и довольно подробно эксплицируется фрагмент картины мира, в высказываниях явно доминирует рациональный компонент, отраженный в нейтральных конструкциях с метаязыковыми глаголами (*я буду называть; можно сказать; нельзя сказать* и др.) и в общем синтаксическом построении предложений, а эмоциональный компонент, если и присутствует (*кричат нам заголовки бульварных газет*), касается уже не правды, а иного фрагмента картины мира, попутно актуализированного в речи. Но весьма часто оказывается, что концептуальная рефлексия над словом *правда* в русской речи содержит эмоциональный компонент, касающийся собственно слова:

Правда... В этом слове сосредоточено многое для русского человека, для российской истории. Правдолюбец, праведник, правдивость — давние и золотые слова. «Правда — свет разума», «правда суда не боится», «не ищи правды в других, коли ее в тебе нет...» Сколько в народе было сказано о ней, о правде!

Принято считать, что по коренному своему значению слово *правда* связано со знаменитым сборником узаконений, *Русской правдой*, однако если даже согласиться с такой родословной этого слова, то неистребимо могучий его внутренний смысл явно обнаруживается уже в открытом Василием Н. Татищевым своде законов: В слове *правда* спрятана загадка, не поддающаяся привычному для науки анализу, рассудочному уяснению однозначного или многозначного смысла⁵.

Здесь рефлексия над фрагментом картины мира имеет ярко выраженную эмоциональную доминанту, главными средствами которой являются экспрессивный синтаксис, эпитеты, наделение эмоциональными коннотациями слов, которые по своему денотативному значению нейтральны (*давние, загадка*).

³ <<http://www.bogoslov.ru>> (09.11.2013). Здесь и далее особенности орфографии и пунктуации сохраняются.

⁴ <<http://domestic-lynx.livejournal.com>> (09.11.2013).

⁵ А. Корольков: *Правда есть истина в действии*. В.М. Шукишин <<http://www.portal-slovo.ru>> (09.11.2013).

Однако подобная «чистая» эмоциональность в метаязыковых комментариях о правде встречается редко. Если такой комментарий не является полностью нейтрально-описательным, он, как правило, имеет прагматическую направленность. Именно прагматически ориентированные метаязыковые высказывания, выделенные среди общего массива метаязыковой рефлексии о правде, являются предметом исследования в данной статье на материале русского и украинского языков. Фрагменты взяты из интернет-источников, принадлежащих к публицистическому либо разговорному стилям.

Для русского языкового сознания характерно, что концептуальные рефлексивы, касающиеся объема понятия и места слова в лексической подсистеме языка, зачастую прагматически направлены (эксплицитно или имплицитно) на утверждение некоей особенности, исключительности русской языковой картины мира, из чего делаются далеко идущие выводы о ментальности. Такой подход к слову имеет давнюю традицию и обнаруживает себя еще в XIX веке, в часто цитируемом суждении философа и публициста Николая Михайловского:

Всякий раз, как мне приходит в голову слово «правда», я не могу не восхищаться его поразительною внутреннею красотой. Такого слова нет, кажется, ни в одном европейском языке. Кажется, только по-русски истина и справедливость называются одним и тем же словом и как бы сливаются в одно великое целое⁶.

По частоте цитирования и месту в концептуальных структурах курса данное высказывание имеет все признаки прецедентности. Как правило, в современных публицистических и научных текстах авторы солидаризируются с приведенным мнением, используют цитату в качестве ссылки на авторитет. Однако встречается и критический метатекст — в рефлексии Михаила Эпштейна:

Было в русском языке замечательное слово «правда», которому радетели за русский народ не могли нарадоваться. [Далее автор цитирует вышеприведенные слова Михайловского — Р.Т.]

Наблюдение Михайловского оказалось пророческим — к сожалению, ибо смесь истины и справедливости в оболочке одного слова вышла гремучей и чести России не послужила. Слишком легко под покровом «правды» истина подменялась справедливостью, а справедливость — истиной, результатом чего становились ложь и насилие. В поисках справедливости «могильщиков буржуазии» учили управлять государством, а государственных мужей отправляли копать собственные могилы. В поисках истины приставили к каждому

⁶ Цит. по: М. Черников: *Концепты «правда» и «истина» в русской культурной традиции*. «Общественные науки и современность» 1999, № 2, с. 164.

гражданину доносчика, а каждого доносчика объявили истинным гражданином, чтобы ни один оттенок истины не ускользал от всевидящего государства.

И все это была правда. . . Когда говорилось «наша рабочая правда» или «правда нашей борьбы», то никак нельзя было понять, о чем идет речь. Склеенное слово-муляж — «правда», ничего не говорило уму, а только завораживало своей всецелой, округлой правотой. Так и останется это слово в нашей истории — заглавием лжи и страха, «Правдой», пусть и с большой буквы, а все-таки в кавычках, как поддельное: дескать, «Правда», а какая же это правда, да и где она?⁷

Впрочем, такой скептический взгляд на маркированный национальной спецификой фрагмент картины мира является нетипичным. Прагматика высказываний на тему национального своеобразия слова «правда» в современном дискурсе имеет тенденцию не к критическому восприятию Своего, а к агональному экстралингвистическому заострению противостояния с Чужим, формированию когнитивных оппозиций. Проиллюстрируем данное утверждение двумя примерами:

Ни у одного другого народа нет такого количества пословиц и поговорок, утверждающих силу и непобедимость правды. «Правда сто цепей разорвёт», «Правда сильнее царя»... И только в русском языке слово правда имеет два значения: истина и второе — мировоззрение, убеждения человека или общества⁸.

О неуываедаемой сакральности русского языка красноречиво говорит слово *правда*, означающее субъективную истину, через которую русский человек может прийти к объективной истине, но не наоборот. Этимология этого слова сохраняет для будущих потомков, какой путь они должны выбрать для правдоискания, для поиска истины. Этот путь есть «прямой и ровный», крепко памятуя, что «Бог есть правда».

Английское слово *truth* развилось из слова *true* ‘верный, преданный’, которое соотносится со значением ‘дерево’ (*крепкий как дерево, надёжный, верный*). Кроме того значение ‘верный, правдивый’ может соотноситься со значением ‘рогатый скот’ (по поверьям древних, корова, бык и др. — небожители, божества, объекты поклонения): ср.: *taurus* ‘бык’; латыш. *versis* ‘бык’; лат. *verus* ‘правдивый’; болг. *правда* ‘скот’. Возможна также связь с и.-е. *der/ter* ‘ударить’ и и.-е. *der/ter* ‘гореть’ (‘очищение ударом или огнём’) (Маковский).

Согласно этимологии этого слова, оно восходит к языческим верованиям. Можно предположить, что в английской *правде* латентно присутствуют также следующие семы (смыслы): [твёрдый], [грубый],

⁷ М. Эпштейн: *От правды к истине* <http://www.emory.edu/INTELNET/es_truth.html> (09.11.2013).

⁸ <<http://bolshevick-arhiv.narod.ru>> (09.11.2013).

[сильный], [насильственный], [властный], [жестокий], [коварный]. Как видим, этот этимологический экскурс объективно вскрывает природу не только слова «правда», но и качества ее носителя, а также средства, которыми она распространяется, «популяризируется» в мире.

Весь исторический путь «британской правды» всегда находился и находится на кончике ножа, стрелы, копья, ружья, т.е. грубой силой, насилием, коварством, жестокостью она (правда) прокладывает себе путь в мире⁹.

Как видим, общая схема данных фрагментов — отчуждение метаязыковыми средствами, конструирование невыгодного образа «чужого». Компонентами таких прагматических операций являются семантика исключительности (*ни у одного другого народа; только в русском языке*), сопровождение слова *правда* определениями, маркирующими отнесенность к социальным или национальным сообществам (*боярская, купеческая, крестьянская, рабочая, английская, британская*), а также малозаметный манипулятивный переход от предположительности к максимальному уровню обобщения (*может соотноситься; возможна связь; можно предположить; объективно вскрывает; весь исторический путь [...] всегда находился и находится*).

Для украинского дискурса использование метаязыковой рефлексии над словом *правда* для конструирования ментальных оппозиций менее характерно, но все же встречается, причем стоит обратить внимание, что такой прием тоже служит антизападной риторике, более того — в комплексе с противопоставлением России, уже не мотивированным в данном случае лингвистически:

Справедливість, право, правда — це однокореневі слова, які походять від слова Правь. Тому людина справедлива, права, правдива — це людина, яка належить до світу Прави; вона втілює закони Прави у земному житті і, коли помирає, її душа знову повертається у світ Прави. Це той самий платонізм, але праукраїнський. [...]

Таким чином, можна стверджувати, що онтоантропологія праукраїнських язичників співпадає з онтоантропологією грецьких філософів (Сократ, Платон) та Нового Завіту. Своя людина — це людина приналежна до Прави, тому їй присміні правда, справедливість, право (не у ліберальному значенні цього слова). [...]

Ліберальному світу треба протиставити світ праукраїнців, ліберальній моралі — мораль знаті. Тоді Україна встане з колін і не буде сировинним придатком Західної Європи, не буде колонією Росії¹⁰.

⁹ <<http://www.region-yug.ru>> (09.11.2013).

¹⁰ І. Карівець: *Праукраїнська, старогрецька та новозавітна онтоантропологія* <<http://www.lab.org.ua>> (09.11.2013).

Таков первый тип прагматически ориентированных метаязыковых комментариев к рассматриваемому слову: он сконцентрирован на утверждении особенности национальной картины мира на фоне иных, представленных в виде совокупного образа или индивидуализированных. Второй тип метаязыковых высказываний содержит суждения о слове в рамках национального языка, но при этом производится внутриязыковая стратификация дискурсов. Как правило, прототипная структура высказываний данного типа такова: есть некая социальная группа, использующая слово *правда* в своих интересах и/или понимающая его по-своему; автор конструирует свое отчуждение от этой группы:

Судя по словарю слово *правда* означает «то, что соответствует действительности; истина». Однако политики зачастую манипулируют этим понятием, и поэтому многие люди уже не могут разобраться, где правда, а где завалированная ложь¹¹.

В приведенном примере дискурсивные структуры прозрачны и максимально эксплицированы в тексте: прямо сформулирована нормативная (объективная, подтвержденная ссылкой на словарь как авторитетный источник) семантика лексической единицы, прямо названа социальная группа, которой приписывается отход от нормативного словоупотребления (*Политики*), введена антонимическая пара как наиболее очевидный способ противопоставления.

Возможно и иное построение метаязыковых структур текста: экспликация не нормативной семантики, а, наоборот, трансформированной, специфической для той социогруппы, которая является для автора объектом отчуждения. Как показали наблюдения, именно в случае со словом *правда* такой прием встречается довольно часто, что обусловлено существованием прецедентного высказывания:

Великий бізнес себе чує затишно лише під крилом влади. Якою б аморальною вона не була. Бо в політиці слово «правда», за Джонатаном Лінном, означає будь-яке твердження, брехливість якого не доведена¹².

Цитата из английского сценариста Джонатана Линна является наднациональным прецедентным феноменом и воспроизводится в разных национальных дискурсах довольно часто, поскольку в ней заложен прагматический эффект, создаваемый метаязыковыми средствами.

¹¹ <<http://www.proza.ru>> («политики»).

¹² О. Магльона: *Мораль і політика — непереборна несумісність?* <<http://www.civica.org>> («политики») (09.11.2013).

Метаязыковой комментарий играет важную роль, выступая концептуально акцентированной частью метатекста, социального значимого диалога:

В Волгограде, на заседании Российского организационного комитета «Победа» президент Дмитрий Медведев заявил: «Празднованию (65-летия Победы — А.К.)¹³ должна соответствовать продуманная, серьезная, масштабная информационная кампания. Ее задача — говорить правду... Мы должны также защитить поколение победителей от циничной лжи, которая периодически появляется в самых разных местах».

Трудно спорить с этими высказываниями главы государства. Но правильно ли будут поняты употребленные абстрактно фразы: «говорить правду», «защитить от циничной лжи»? И не закончится ли все очередным витком реабилитации Сталина и борьбой с разными «антисоветскими шашлычными»?¹⁴

Власть и журналист — социальный комментатор — находятся в пределах одной национальной языковой картины мира, пользуются одними и теми же словами, но на уровне дискурса говорящий сомневается в наличии общности, на что и указывает. Эти сомнения закрепляются на уровне организации текста переходом от метатекстуального к метаязыковому высказыванию: текст имеет заголовок *Лукавое слово «правда»*, что фиксирует характеристику слова уже не в отдельных высказываниях, а в языковой системе (коннотацию). Оксюморонность данного словосочетания экспрессивно передает когнитивное (концептуальное) напряжение¹⁵, существующее в дискурсе.

В рассмотренном выше фрагменте комментируется словоупотребление в речи конкретного лица, но ключевые размышления над практикой понимания слова касаются социальной группы (это коллективный субъект, стоящий за пассивом *будут поняты* и существительным *борьба*; скорее всего, этого субъекта можно вербализировать популярным публицистическим номинатом *чиновники*). Но рефлексия над словом *правда* также используется в конструировании дискурсивного отчуждения говорящего не от социальной группы, а именно от отдельного субъекта дискурса и его речевых практик:

Я вже підозрював, що новий київський майже міський голова Леонід Чернівецький — людина із дещо зсунутим «фокусом адекватності» сприйняття світу. У своїх промовах він демонструє зацикленість на слові «правда» (до того ж, це слово там означає не те, що ми звикли розуміти як правду, а просто його власний вибір у чомусь). Таких «фіксаторів» чимало, але слово «правда» вилазило дуже вже яскраво¹⁶.

¹³ Вставка автора цитируемого текста.

¹⁴ <<http://newsland.com>> (09.11.2013).

¹⁵ И. Вепрева: *Языковая рефлексия...*, s. 204.

¹⁶ <<http://zmeuka.livejournal.com>> (09.11.2013).

Высказывание является достаточно обобщенным, основано на системных наблюдениях, а значит, объектом внимания здесь становится идиолект, причем снова принадлежащий политикю. Итак, рефлексия над словом *правда* является эффективным приемом построения околополитического метатекста, позволяющим увидеть за коммуникативными приемами политиков основания для концептуального осмысления и дискурсивного отчуждения. Плодотворность обращения именно к слову *правда* объясняется тем, что данная лексема является одной из ключевых в характеристике информации и высказываний, а политики как в обыденной картине мира, так и в масс-медиа предстают в качестве говорящих субъектов, чьи слова поверяются категорией правды. Закономерно, что аналогичная рефлексия применяется и в отношении иных субъектов массовой коммуникации — журналистов. Конструирование характеристик имеет те же признаки: группа (или один субъект) понимает (употребляет) слово *правда*; автор относится к этому критически, что отражает в метатексте:

Журналисты телеканалов цепко держатся за свой долг перед отечеством: рассказывать людям ужасы, свои фантазии и т.д. и все это называется словом ПРАВДА. Хотя правда — очень сложный, зрелый взгляд на мир, где есть место разным цветам, а не только черному. Многие уже устали от форс-мажорного телевидения¹⁷.

Проблема Княжицького в тому, що він приліпив до себе слово правда, воно стало ніби його брендом і багато глядачів сприймають його імідж «найправдивішого» журналіста. Потихеньку спаскудився і сам «не помітив». Халва, халва, халва — і в роті ніби солодко, а насправді самі знаєте що. Людина, яка так часто вживає слово правда, «жонглює» цим словом, за хвилину декілька разів каже: «я не люблю брехні», насправді не може не брехати¹⁸.

В приведенных критических высказываниях *правда* в понимании дискурсивного оппонента наделяется двумя когнитивными признаками: упрощенностью и манипулятивностью. Эти же признаки существенны для серии метаязыковых комментариев, касающихся употребления слова в названиях книг, телепередач и т.п. Кроме того такие словоупотребления рассматриваются говорящими как претензия на некое абсолютное, безупречное знание, что вызывает неприятие, основанное на понимании ограниченности, фрагментарности знания о мире в той области, к которой относится данная книга или телепередача (как правило, это история). В дискурсе высказывания такого типа обычно входят в диалогические комплексы и являются реакциями на репли-

¹⁷ <<http://2010.orthodoxy.org.ua>> (09.11.2013).

¹⁸ <<http://telekritika.ua>> (09.11.2013).

ку-стимул (совет, побуждение и т.п.). Например, на форуме один из пользователей пишет:

Лінгвіст світового рівню К. Тищенко все гарно й НАУКОВО обгрунтував у роботі *Правда про походження Української мови*. В інтернеті є,

на что следует реакция:

Когда в названии научной работы я вижу слово «правда», то открывать её нет никакого желания. Ибо сие слово указывает на явный пропагандистский характер книженции, что для ученого «світового рівня» явно недопустимо, особенно в такой «неточной» науке как филология¹⁹.

Комментарий по поводу выхода книги Андрея Буровского *Самая страшная русская трагедия. Правда о гражданской войне*: «Тендинциозная [sic!] шняга. Когда видишь слово ‘правда’ в названии, то ‘хвататься за пистолет’»²⁰. Высокая эмоциональность и резкая оценочность подобных высказываний — их характерная черта, подтверждаемая и другими примерами.

Важным для постсоветских языковых картин мира фрагментом употребления слова *правда* является его функционирование в роли названия главной (а в когнитивном плане, соответственно, прототипной) советской газеты, а также элемента названий множества других советских газет, часть из которых сохранили свои наименования до нынешнего момента. Как показал ассоциативный эксперимент, в России ассоциация *газета* среди реакций на слово-стимул *правда* заняла второе место, значительно опередив, к примеру, ассоциации *горькая* и *справедливость*²¹. Парадоксальные высказывания о том, что «в ‘Правде’ нет правды», были формой «языковой самообороны» (Анна Вежбицкая) в советское время; в современном дискурсе метаязыковая операция приобрела черты применяемого в различных тематических сферах эталона абстрактной семантики «несоответствие, претендующее на соответствие», например: «Сюжет творения Шекспира к истории имеет такое же отношение как газета ‘Правда’ к правде»²². Что же касается метаязыковой рефлексии по поводу слова *правда* в названиях газет, то она чаще всего становится дополнительным экспрессивным компонентом резкой отрицательной оценки: «Газета, в названии которой

¹⁹ <<http://www.russiankorea.com>> (09.11.2013).

²⁰ <<http://www.mirf.ru>> (09.11.2013).

²¹ M. Fleischer, M. Grech, A. Książek: *Kognitywna i konstruktywna semantyka konceptu ‘prawdy’*. «2K — Kultura i Komunikacja» 2003, № 2, s. 20.

²² <<http://forum.kinopoisk.ru>> (09.11.2013).

по недоразумению присутствует слово *правда*, заигралась в ‘яркие заголовки’»²³; «НП [газета ‘Новомосковская правда’] превратилась в тухлую продажную газетенку и слово *правда* в ее названии звучит как издевательство. ‘Новомосковская брехня’ — вот ее истинное название сегодня»²⁴. Такое прагматическое заострение оценочного содержания возникает вследствие процесса, который можно назвать ресемантизацией слова *правда*, поскольку в советском новоязе названия таких газет конструировались чисто механически, главную роль в них играл локализирующий атрибутив, а существительное десемантизировалось.

Также прагматическую направленность имеет и когнитивная операция, зафиксированная на одесском онлайн-ресурсе, но она имеет целью изменение фрагмента картины мира, создание новых ассоциаций и не направлена на отрицательную оценку, скорее наоборот — призвана сформировать положительный ментальный образ:

1 февраля в Одессе вышел 1-й номер новой газеты — «Одесская правда».

— На первый взгляд кажется, что есть некоторые ассоциации с известной советской газетой «Правда», — заметил на презентации издания первый заместитель председателя совета директоров Южноукраинского Медиа холдинга Роман Бродавко. — Однако мало кто знает о том, что в 1879 году в Одессе впервые вышла газета «Правда» и просуществовала около 4 лет. Поэтому этот бренд в полной мере можно назвать одесским²⁵.

Итак, метаязыковые апелляции к слову *правда*, имеющие прагматический характер, активно используются в дискурсе. Их специфику определяет ряд свойств данной лексемы: ее концептуальная значимость в картине мира, «абсолютность» и оценочность семантики, общий манипулятивный потенциал, функционирование в политическом дискурсе, многолетняя традиция использования в ономастической функции с ярко выраженными идеологическими коннотациями. Эти свойства определяют широкие возможности для дискурсивного позиционирования через метаязыковые комментарии к данному слову.

²³ <<http://www.avdet.org>> (09.11.2013).

²⁴ <<http://poleznaya.dp.ua>> (09.11.2013).

²⁵ <<http://www.odessit.ua>> (09.11.2013).

Roman Tryfonow

PRAGMATYCZNIE ZORIENTOWANE METAJĘZYKOWE KOMENTARZE
DO WYRAZU *PRAWDA*

Streszczenie

Na materiale języka rosyjskiego i ukraińskiego zostały rozpatrzone wypowiedzenia, w których leksem *pravda* stanowi obiekt refleksji autora/nadawcy. Refleksje te zwykle są pragmatycznie ukierunkowane, a więc zawierają element subiektywno-oceniający. Autor pokazał, że fakty tego rodzaju czasem rzutują na specyficzne cechy reprezentowanego w wypowiedzeniu narodowego obrazu świata. Ponadto tego rodzaju wypowiedzenia służą do pozycjonowania nadawcy w dyskursie — na tle innych przypadków wykorzystania leksemu *pravda* w mowie przedstawicieli różnych grup społecznych, celebrytów, w tytułach książek, periodyków i in.

Roman Tryfonov

PRAGMATICALLY ORIENTED METALINGUAL COMMENTS
TO THE WORD 'PRAVDA'

Summary

Statements, in which the word 'pravda' becomes the object of speaker's reasoning, the latter being pragmatically oriented and containing subjective evaluative component, are considered on the material of Russian and Ukrainian languages. These statements are shown to highlight the special, unique nature of the fragment of national world image. They also work for the speaker's discourse positioning on the background of other usage practices of the word 'pravda' — in the speech of some social groups, personalities, in the names of books and periodicals.